

И. Ф.
ГОРБУНОВ

Сочинения

Иван Федорович Горбунов

Лес

(Сцены из народного быта)

«И клад, ежели когда попадается, — все в лесу... Что за причина, братцы: тетка Арина девять зорь ходила за кладом. Станет копать — все уходит, пойдет домой — опять покажется. Так и не дался...»

Содержание

#1	0005
ЯВЛЕНИЕ I	0006
ЯВЛЕНИЕ II	0016

Иван Федорович Горбунов

Лес

(Ночь. Луговина в лесу. Посередине разло-
жен костер).

ЯВЛЕНИЕ I

АНТОН и СЕМЕН сидят у костра; ПРОХОР поодаль лежит на армяке.

Антон (*подкладывая хворост*).

Ночь-то какая... Тихо!..

Семен.

Тихо!..

Проходор (*Зевая*).

Время чудесное... (*Молчание*). Эко, братцы, это лес!..

Чего в ем нету: и трава всякая, и птица разная...

Антон.

Божье произволение!..

Семен.

И клад, ежели когда попадается, – все в лесу... Что за причина, братцы: тетка Арина девять зорь ходила за кладом. Станет копать – все уходит, пойдет домой – опять покажется.

Так и не дался.

Прохор.

Братъ, значит, не умела. Без разуму тоже не возьмешь.

Семен.

Я бы сейчас ухватил!

Прохор.

Ухватил один такой-то!.. Я тоже одна хожу, ходил...

Антон.

Може, его и не клали...

Прохор.

Клад был... это верно.

Семен.

Что ж, братец мой, во сне тебе это привиделось, али как? Тетка Арина сказывала, вишь, ей старец во сне объявился: хочу, говорит, я, раба Божья, счастье твое тебе сделать; ступай ты, говорит, на зоре к Федькину дубу,

только ты иди, а назад чтобы не глядывайся.

Придешь ты, говорит, к Федькину дубу, оборотись лицом к зеленому лугу, отойди девять шагов и копай тут...

Прохор.

Нет, мне беглый солдат означил... по его речам я искал.

Антон.

Поймал ты, значит, его, солдата-то?

Прохор.

Поймал.

Семен.

Какой смелый!..

Прохор.

Чего робеть-то?

Семен.

Как чего, братец мой! убьет.

Прохор.

Ничего. На войне ежели – вестимо убьет; а в лесу он ничего, потому отощает. В лесу что он ест? Есть ему нечего... Ягода... Ягодой, али корешком каким ни на есть сыт не будешь. Ну, и отощал человек, – силу, значит, забрать не может. Опять же и ружья этого при ем нету.

Антон.

А ты в лесу его захватил?

Прохор.

В лесу; опричь лесу ему жить негде. Шел я тогда на покос, только что солнышко встало: смотрю, голова, а он сидит это, муницию свою заправляет. Подошел я к нему. Увидал это он меня – ровно бы вот лист затрясся. – Какой ты такой есть человек? говорю. – Ступай, говорит, дядюшка, своей дорогой, коли худа себе не хочешь. – Зачем, говорю, – ийти мне некуда: я здешний. – Ничего ты, говорит, сделать мне не можешь, потому, говорит, я служу Богу и великому государю. – Мне, говорю, твоя душа не нужна, а что собственно к начальству я тебя предоставляю. – Испужался.

Семен.

Испужался?!..

Антон.

Испужаешься! За это ихнего брата не хвалят.

Прохор.

Где хвалить!.. Делать, говорю, нечего, другой сердечный, пойдем. – Есть, говорит, на тебе крест? – Есть, говорю. – Крещеный ты, говорит, человек, а своего брата не жалеешь: мне ведь, говорит, наказание великое будет. – Я этому, говорю, голубчик, непричинен.

Семен.

Как же, сейчас ему лопатки назад и закрутил?

Прохор.

Без этого нельзя... порядок. Завязал это я ему назад руки, повел к становому. – Пусти, говорит, меня, дядюшка: – клад я тебе за это покажу, в купцы тебя произведу. – Сказывай,

говорю, где? Коли верно скажешь, помилую. – Стал это мне сказывать приметы, где и что, а ребята ваньковские нам навстречу. – На войну, что ли, говорят, господа честные, идете? Обступили нас, стали допрашивать, да так вплоть до станового и шли. Опосля уж я искал, искал этого места: ровно и похоже найдешь, – станешь копать: нет. Так и бросил.

Семен.

А кабы нашел – ладно бы было.

Прохор (*повернувшись на другой бок*).

Пуцай кто другой ищет. (*Продолжительное молчание*).

Антон.

Соловьи-то петъ перестали. Очень уж я люблю, коли ежели когда соловей поет.

Прохор (*зевая*).

Синица лучше.

Антон.

Где ж синице!.. Синице супротив соловья

не сделать.

Прохор.

Сделает...

Антон.

Невозможно!.. Да ты соловьев-то слыхали?

Прохор.

Где слыхать! У нас их на мельнице тьма тьмуцая, и домики для их понаделаны.

Антон.

Это скворцы!..

Прохор.

То бишь, скворцы... Все одно, и скворцы поют.

Антон.

Соловей, ежели теперича, когда петъ ему, он сейчас... фиу, фиу. (*Подражает пенью соловья; в лесу раздаётся свист*).

Семен (*прислушиваясь*).

Что свистишь-то?

Антон.

А что?

Семен.

Погоди... молчи... (*Все прислушиваются; опять раздается свист*).

Прохор.

Разгуляться вышел...

Антон.

Кто?

Прохор (*таинственно*).

Кто? – Известно, кто.

Семен.

Теперича, ежели табун где близко, весь табун угонит.

Прохор.

Ничего, стороной пройдет.

Антон.

Да что вы, черти! – это сыч.

Семен.

Похоже!

Антон.

А то нет? Эх, вы!..

Прохор.

Коли свистит – ничего; а иной раз ровно малое дитя плачет... как есть ребенок.

Семен.

У нас летось под самый Успенъев день табун угнал.

Антон.

Ну, ври под пятницу-то!

Семен.

Вплоть до реки гнал.

Прохор.

Как до реки догнал, так и шабаш, дальние
не погонит, жалеет тоже скотину-то.

ЯВЛЕНИЕ II

ПАВЕЛ-лесник (*выходит справа*).

Павел.

Что ж огонь-то не гасите... не спите?

Семен.

Так, сами промежду себя разговариваем.

Павел.

Спать чай пора.

Прохор (*тихо*).

Сам сейчас окликался.

Павел.

В обход ходил – не слышал. Что ж, мы к этому привычны... это нам ничего.

Семен.

А мне, братец ты мой, жутко стало.

Павел.

По первоначальному, как я в лес пошел, и мне

жутко было. Привык. Идешь, бывало, по лесу-то, все нутро в тебе переворачивает, а теперь ничего. Лихого человека бойся, а лешой ничего тебе не сделает. Домовой хуже – тот наваливается; а лешой, коли он уже очень когда разбалуется, так он только тебя обойдет. Опять же на него молитва такая есть... особенная. Коли кто эту молитву знает, тому ничего.

Семен.

А ты, дядя Павел, знаешь?

Павел.

Нам нельзя без этого. Я, кроме молитвы, заговор на его знаю. Куда хошь иди – не тронет.

Прохор.

Обучи нас.

Павел.

Не переймете. Зря тоже этого не сделаешь.

Семен.

Ему заговор ничего: заговору он не боится:

Антон.

А мне, братцы, дворянин один в Калуге сказывал про лесовиков-то: ты, говорит, ничему этому не верь, никаких лесовиков нет, это так зря болтают.

Павел.

Много знает твой дворянин-то!

Антон.

Ни лесовиков этих самых, ни ведьмов – ничего, говорит, этого нет.

Павел.

Посадил бы я его ночи на две в сторожку, так он бы узнал, как их нет-то. Вот темные ночи пойдут осенью, пуцай придет – посидит. Нету! Да вот как раз трафилось, слушай. Знаешь лапинский овраг – мы там роццу караулили. (*Садится у костра*). Дело близ Покрова было. Об эту пору ночи бывают темные... Дожди пошли... холодно... смерть!.. Идешь по лесу-то, да думаешь, зачем мать на свет родила.

Семен.

Беда, сейчас умереть...

Павел.

Спим это мы... Часу так в двенадцатом, слышу, братец мой, словно кто около сторожки ходит. Походил, походил – перестал. Орелка была у нас собака... просто, бывало, отца родного не подпустит... волка раз затеребила... Орелка раза два тьякнул, замолчал. Думаю: должно, – ветер. Только опять-то лег, как Орелка завизжит, как завоет, вот надо быть кто ей зад отшиб. Так индо меня мороз по коже! Мартын проснулся. Выдь, говорит, Павел, посмотри. Отворил я дверь-то: Орелка прижался к косяку, сидит... Слышу, братец ты мой, около самой сторожки лошадь заржала... Так у меня волосья на голове поднялись. Хочу назад-то идти, уж и двери не найду. Ходил, ходил, индо лихоманка забила, а лошадь нет-нет да опять заржет.

Семен.

Страсть!.. Я бы убеги!

Павел.

Да куда бежать-то? Окромя сторожки – некуда. Ввалился в сторожку: дядя Мартын, говорю, – у сторожки лошадь ржет, должно за лесом приехали. Заругался мой Мартын – мужик он был хворый, сердитый: – убью, говорит, до смерти, кто попадется. Вышли мы из избы-то, а по лесу топориче так и звенит.

– Слышь, говорю, дядя Мартын? – Слышу, говорит... убью сейчас!.. Побежали мы. Стал я Орелку усекать – не лает, идет сзади. Что, думаю, за причина? Дал раза в бок, – только за-сучала.

Семен.

Слышь, ребята?

Павел.

Не трожь, пуцай спят.

Семен.

Ну!

Павел (вполголоса).

С полверсты мы прошли: топор близко, а на след не попадем, потому темно очень. Шли, шли... рядом шли... – Дядя Мартын, говорю... Дядя Мартын голосу своего не подает. Что за оказия! Крикнул это я: дядя Мартын! Слышу, Мартын далече вправо... Я вправо забрал, опять крикнул: дядя Мартын!.. Дядя Мартын далече влево... а топорнице тят, тят... Завернул я к нему на голос-то, стал Орелку кликать и Орелка пропал!.. Ну, думаю: пуцай всю рощу вырубят – пойду домой, потому страшно уж очень стало, опять же и озяб... так продрог... смерть! Повернул назад, пошел. Иду да и думаю: сам не балует ли?.. Только, братец, это я подумал, как по всему-то лесу: ого-го-го-го!!! Отродясь такого я крику не слышивал. Так у меня руки-ноги подкосились! Хочу крест на себя положить – рученьки мои не владают.

Семен (жметяся).

Меня индо и теперь дрожь прохватила!

Павел.

Очувствовался – не знаю, куда идти. Ба-

тюшка, говорю, угодник, выручи... Сотворил молитву, легче стало. К свету уж домой-то пришел: за пять верст он меня от сторожки-то угнал, да в самое бучило, в овраг-то и завел. Кабы, кажись, маленько еще – утоп бы.

Семен.

Ах ты, Господи!

Павел.

Ну, думаю: как приду домой, этого самого дядю Мартына на части разорву. Стал ему выговаривать-то, а он говорит: ты, надо полагать, в уме рехнумши. Я, говорит, всю ночь из избы-то не выходил.

Семен.

Он все, значит.

Павел.

Кому ж, окромя его. Шесть недель опосля этого я выхворал: все волосья повылезли, разов пять отчитывали, на силу на ноги поставили. Сама энаральша Пальчикова лечила, корочки с наговором давала, ничего не дей-

ствовало. Так вот, как их нет-то! Может дворянина-то он не трогает, а нашему брату от его шибко достается. (*Встает и потягивается*).
Спать теперича.

Семен.

Кому спать, а нам – Господи, благослови!.. По травушку, по муравушку. (*Надевает армяк*). Очень уж я люблю, когда разговаривают про чертей, али про разбойников... просто, сейчас умереть, спать не хотца.

Павел.

Как же, не спамши-то?

Семен.

Я выспался. Я с вечерен спал. (*Подходит к Антону и толкает его ногой*). Вставайте, ребята!

Антон.

Только было...

Семен.

Скотину, поди, уж выгнали.

Прохор.

Господи, благослови!

Павел.

Жисть вам, ребята!

Семен.

Какая жисть!

Павел.

Покос подошел... коси да коси...

Антон (*набивая трубку*).

Акштафу на дорогу закурить, дело ходчей пойдет.

Все.

Прощай, дядя Павел.

Павел.

С Богом... дай Бог час.